

© 2001 г. Г.Е. КРЕЙДИН, Е.А. ЧУВИЛИНА

УЛЫБКА КАК ЖЕСТ И КАК СЛОВО

(к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов)

*Еще в ребячестве, бессмысленный и злой,
Я встретил старика с плешивой головой.
С очами быстрыми, зеркалом мысли гибкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.*

А. Пушкин

ВВЕДЕНИЕ

Примерно сорок лет тому назад замечательный русский лингвист А.А. Реформатский впервые в отечественной научной литературе поставил вопрос о характере и способах совместного существования в одном коммуникативном акте нескольких знаковых систем [Реформатский 1963]. В его статье были затронуты самые разные проблемы, относящиеся к особенностям функционирования в речи знаков разной природы и к анализу их поведения в интерактивной деятельности. По мнению А.А. Реформатского, в акте устного общения никогда не происходит простое кодирование или перекодирование смысла. В нем сосуществуют параллельно разные системы обработки знаковой информации, и, процитируем ученого, "хотя они как-то и конкурируют в принципе, но не накладываются друг на друга, а представляют собой более сложное соотношение". Особенно важным для построения лингвистической теории диалога и общей теории знаковой коммуникации А.А. Реформатский считал выявление и описание разных возможных соотношений между языковыми и неязыковыми знаковыми кодами и построение типологии выделяемых в ходе такого анализа единиц и категорий.

Именно проблеме соотношения вербальных и невербальных знаков и посвящена наша работа. Основное содержание ее составляет описание относительно небольшого фрагмента научного проекта, который был задуман и начат два года тому назад и главной целью которого является построение внутриязыковой (русской) семантической типологии невербальных жестов и невербальных актов в их соотношении с вербальными. Исследование русских жестов и жестовой коммуникации проводилось и проводится нами по сей день вместе с группой студентов и аспирантов-лингвистов из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Московского государственного университета (МГУ). Все они являются участниками еженедельного рабочего семинара по невербальной семиотике, заседания которого проходят на кафедре русского языка Института лингвистики РГГУ в течение уже восьми лет под руководством одного из авторов доклада.

Предлагаемое ниже аналитическое описание основных типов русских жестов-улыбок и их естественно-языковых номинаций является необходимым начальным этапом на пути построения семантической типологии русских улыбок. Оно родилось на перекрестке нескольких научных традиций, среди которых назовем в первую очередь работы по невербальной семиотике – паралингвистике, кинесике, гаптике, окулесике и

др. (см., например, [Крейдлин 2001; Крейдлин, Григорьева, Григорьев 1996; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1996; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]) и исследования по семантике, выполненные в рамках Московской и Польской семантических школ (И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян и их коллеги и ученики; А. Вежицкая и А. Богуславский), а также Московской типологической школы (А.Е. Кибрик, его сотрудники и ученики).

В основе представляемого здесь исследования лежит целый ряд теоретических и методологических положений, и одной из важных задач мы считаем эксплицитное формулирование и обоснование большей части из них.

Выдвигаемые положения удобно разделить на две группы. В первую группу попадают утверждения и гипотезы, касающиеся невербальных знаков и невербальных коммуникативных актов вообще, а во вторую – допущения, относящиеся непосредственно к улыбкам.

I

(1) Невербальные семиотические коды в коммуникативном акте тесно взаимодействуют с естественным языком, а потому моделирование интерактивной коммуникативной деятельности невозможно без изучения и описания механизмов такого взаимодействия.

(2) Базой для внутриязыковой типологии невербальных актов и метаязыком для их описания должен стать особый **семантический язык**, один и тот же как для невербальных, так и для вербальных актов. Мы убеждены, что только на общем и прочном **семантическом фундаменте** можно достичь внутренней целостности невербальной семиотики и не менее желательной **интеграции невербальной семиотики и лингвистики в рамках общей теории коммуникации**. Этот метаязык должен быть семантическим языком **пропозиционального типа**, призванным отражать мыслительные, психологические, ценностные или какие-то иные установки жестикулирующего (говорящего). Таким образом, в качестве единиц языка описания значений улыбок не могут выступать выражения типа "жесты приветствия" или "улыбки радости", каковые присутствуют в подавляющем большинстве известных нам жестовых словарей и описаний. Подобные выражения годятся только для обозначения лексикографических типов (в смысле Ю.Д. Апресяна) соответствующих знаковых кинематических единиц и не могут служить толкованиями отдельных элементов жестовых языков. Действительно, если строить толкование только с помощью подобных, так сказать, семантических "атомов" или "молекул", то получается, что все жесты, объединенные, например, под рубрикой "улыбки радости" или под рубрикой "жесты прерывания контакта", следует рассматривать как полностью синонимичные, что заведомо неверно.

(3) Выдвигая тезис о целесообразности и возможности построения единого метаязыка для описания значений невербальных и вербальных единиц, мы вполне осознаем **качественное отличие невербальных знаков от вербальных**, а потому отдаем себе отчет в том, что семантическое описание слов и словосочетаний, обозначающих улыбки, вообще говоря, отличается от семантического описания самих улыбок.

В данной работе, и это крайне существенно, описываются именно **невербальные единицы** (хотя они и постоянно соотносятся с языковыми выражениями).

(4) Необходимо отличать анатомию и физиологические свойства лица, а также психологические характеристики человека, которые передаются мимическими жестами, от **семантики самих выражений лица**, или, в нашей терминологии, **мимических жестов**. По этой причине структурные и психологические типы улыбок могут вполне расходиться с семантическими.

(5) Жесты, которые мы понимаем достаточно широко и под которыми имеем в виду кинемы рук, ног и головы (термин *кинема* впервые ввел в научный обиход основатель науки о жестах – кинесики, американский антрополог Р. Бирдвистел), выражения лица,

или мимические жесты, знаковые статические положения тела – позы – и знаковые телодвижения, имеют свой собственный синтаксис, причем двух типов: **внутренний**, задаваемый правилами комбинаторики и упорядочивания разных видов жестов, и **внешний**, обуславливающий правильную сочетаемость в устном коммуникативном акте невербальных единиц с единицами естественного языка – словами, словосочетаниями, предложениями.

б) Для более строгого и адекватного описания семантики жестов, в том числе с позиций "человека с улицы" (термин А. Вежбицкой), часто бывает необходимо **выйти за пределы лингвистики и прибегнуть к помощи других наук**¹. Сказанное отнюдь не означает, что успешный результат в виде экстралингвистического анализа языкового или семиотического явления должен непременно найти именно **лексикографическое отражение**, соответственно, в лингвистическом или жестовом словарях, ориентированных на рядового носителя языка и культуры. Однако внелингвистические научные интерпретации и объяснения, подкрепляющие и поддерживающие языковую интуицию, на наш взгляд, почти всегда помогают вскрыть побудительные причины и – независимо от интуиции и опыта конкретного исследователя – более аргументированно обосновать необходимость включения тех или иных смысловых единиц в толкование или в другие части семантического представления жестовой лексемы. Мы полагаем, что подобные объяснения способствуют большей объективизации, а тем самым большей точности и формальной строгости описания, и потому их поиск может и должен стать одним из важных инструментов и принципов современной невербальной семиотики и лингвистики.

Теперь сформулируем ряд гипотез и положений, относящихся к собственно улыбкам.

II

(7) У жестов-улыбок имеется контекстно-независимый смысловой инвариант, по всей видимости, универсальный, не зависящий от культурных и языковых локальных конвенций (гипотеза А. Вежбицкой), что объясняет, в частности, почему эти жесты объединились в один языковой класс под именем *улыбки*.

Однако

(8) улыбка для нас это не один жест, как, например, для А. Вежбицкой, а **класс семантически разнородных жестов**, причем смысловое разнообразие и соответствующее ему разбиение всех жестов-улыбок на классы является, по всей видимости, **культурно специфичным**. Русские улыбки, вообще говоря, отличны от китайских, польских или французских улыбок по смыслу и по функциям, по формальному строению и коммуникативному поведению, а также по ситуациям использования.

Действительно, исполнение и использование многих жестов, включая улыбки, являются культурно обусловленными, то есть зависят от культурных требований и предпочтений [Эфрон 1972; Кејдон 2000]. Так, в отличие от европейских, азиатские культуры ориентированы не столько на раскрытие индивидуальности каждого отдельного ребенка, на идеалы просвещения и цивилизации и на жизненный успех как на основную результат, сколько на **нормативное воспитание личности**, то есть на воспитание в соответствии с существующими в обществе принципами и моделями жизни: религиозными и культурными традициями, духовными и моральными ценностями, поведенческими стереотипами и человеческими образцами. Такое воспитание предполагает и в последующей жизни следование особому устойчивому укладу, стилю отношений и поведения, а также способам и приемам этикетного общения, плохо понятным, например, европейцам.

¹ Формулируемое положение – гуманитарная интерпретация теоремы Геделя о неполноте – *mutatis mutandis* становится постепенно важнейшим принципом современной науки вообще.

Вот что пишет, например, о японском этикете, японской улыбке и соответствующем невербальном коммуникативном акте О. Клинеберг: "Японская улыбка вовсе не обязательно является самопроизвольным выражением удовольствия; она подчиняется нормам и законам японского этикета, развиваемого и культивируемого в обществе с самых юных лет. Этот молчаливый язык, по-видимому, бывает часто плохо понятен и трудно объясним европейцам, и, как следствие, может вызывать у них непреодолимую неприязнь и ярость. Японский ребенок с детства учится улыбаться как некой социальной обязанности точно так же, как он учится кланяться или падать ниц. На лице японца всегда должно быть выражение радости, чтобы не навязывать друзьям и знакомым свою грусть или печаль" [Клинеберг 1935: 285–286].

В другой статье отмечается следующее различие в ситуациях употребления улыбок у американцев и корейцев: "Американские жених и невеста во время брачной церемонии улыбаются, выглядят счастливыми, а в Корее ни жениху, ни невесте улыбаться не положено. Если невеста улыбается, то у нее первой родится девочка, а это совсем не желательно. Поэтому отсутствие улыбки на лице, помимо того, что отражает идею подчеркнутого приличия и скромного поведения, идущую от давнего этикета времен Конфуция, служит также вполне осознанным и практически полезным инструментом, предотвращающим появление нежелательного события. По этой причине корейские жених и невеста остаются серьезными и до, и во время, и непосредственно после брачной церемонии" [Ким 1978: 2–3]. А в некоторых культурах, например в малайской, в целом ряде формальных ситуаций запрещены все жесты, даже взгляды, выражающие добрые чувства к адресату. В малайской культуре, как и в корейской, жених и невеста на свадьбе не должны улыбаться друг другу. Когда мужчина еще только начинает ухаживать за женщиной, обоим тоже предписывается тщательно скрывать свои чувства и не улыбаться. В противном случае "им же самим будет стыдно (*mali*)", а оценка *mali* 'стыдно' является резко отрицательной характеристикой поведения в малайском обществе.

Приведем, наконец, один литературный пример, показывающий восприятие французских улыбок русским человеком, оказавшимся в Париже: (1) *Никто здесь не знал ни его имени, ни национальности, ни положения, и Тамарин понимал, что, если он скоропостижно умрет в кофейне, то и приветливая хозяйка, и приветливый гарсон нисколько не огорчатся – разве что пожалеют, что стало одним клиентом меньше. Но в самых формах этих, в радостных улыбках... была человеческая приветливость, от которой он совершенно отвык в Москве* (Алданов. Начало конца).

(9) Русские улыбки тоже семантически отличаются друг от друга. Ср. в этой связи очень важное для нас замечание Е.В. Урысон, сделанное ей в словарной статье синонимического ряда слов *улыбка, усмешка, ухмылка* в [НОСС 2000: 366]: "Обычно улыбка выражает радость или другое подобное чувство, приятное субъекту, ср. *Он смотрел на нее с радостной (влюбленной, веселой) улыбкой*. Однако это может быть и весьма сложное чувство, в котором достаточно велика доля интеллектуальной оценки, причем радость переплетается с чувствами, неприятными субъекту, например, с печалью или злостью. Ср. *Он слушал ее с горькой (печальной) улыбкой; Он смотрел на нее со злорадной (издевательской, насмешливой) улыбкой*. В связи с этим улыбка может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Ср. *На ее лице появилась приятная (неприятная) улыбка; От этой ужасной улыбки ее бросило в дрожь*".

Действительно, хотя улыбка – это типичное, стереотипное проявление счастья, радости, удовольствия, благодарности, восторга и других позитивных чувств, люди не так часто в каждый данный момент испытывают ровно одно, причем именно положительное, чувство, и улыбка передает всю сложность и разнообразие испытываемых переживаний и ощущений. Вообще, мимические выражения по большей части представляют собой комбинацию чувств, и именно поэтому разные улыбки воспринимаются людьми как разные жестовые единицы, что подтверждается многочисленными полевыми и лабораторными исследованиями. Так, *нервная улыбка*, как и

нервный смех, в отличие, скажем, от **веселой улыбки**, больше говорит о напряженном актуальном состоянии улыбающегося или даже о том, что он все время находится в нервном напряжении, чем о том, что он чувствует что-то хорошее (у некоторых людей такая улыбка вообще стала постоянной привычкой и *не сходит с их лица*). Смысловые компоненты, отвечающие за передачу позитивных чувств, тут как бы уходят на задний план, а в фокусе жеста **нервной улыбки** выступают совсем иные элементы.

Разумеется, восприятие улыбок зависит от самых разных факторов, а не только от конкретного значения, которое имеет та или иная улыбка. В частности, интерпретация улыбки зависит от ситуации, в которой возникает жест, от состояния адресата, воспринимающего улыбку, от степени его знакомства с субъектом, от того, как адресат к субъекту относится, и т.п. С одной стороны, многие улыбки, например **нормальная, искренняя, приветливая улыбка**, обладают в акте коммуникации огромной силой иллюкутивного вынуждения и связанным с ней любопытным свойством: встречаясь с **искренней, приветливой улыбкой**, ей очень трудно противостоять и, как мы говорим, *не улыбнуться в ответ*. Отсутствие улыбки в таких случаях воспринимается как непонятное или агрессивное поведение, см. (2) *Это был очень старый, видимо, с трудом передвигающийся человек угрюмого вида. Он почти не улыбнулся в ответ на улыбку Кангарова и не объяснил цели своего приезда: ясно и без того. "Кажется, немой из Портичи", – шепнул по-русски Базаров. Посол на него покосился и торопливо пошел навстречу входившему в вестибюль церемониймейстеру* (Алданов. Начало конца). Больше того, отсутствие ответной улыбки может даже привести к коммуникативному провалу, подобному тому, какой бывает в ситуации незамеченной или как бы незамеченной руки, протянутой в знак приветствия. С другой стороны, люди на улыбки часто никак не реагируют – хотя бы по той простой причине, что они вообще довольно сильно отличаются по своим способностям откликаться на чувства и переживания других. А еще бывает и так, что человек, квалифицирующий данную конкретную улыбку, обращает внимание на одни эмоции, пренебрегая другими, например, видит в направленной на него улыбке проявление самодовольства, а не, скажем, радости. Именно в этих случаях при языковом описании улыбок появляются разного рода слова, чаще всего прилагательные, обозначающие, по мнению говорящего, главные эмоции, испытываемые в данный момент человеком, ср. *самодовольная улыбка vs. радостная улыбка*.

Между тем – и это принципиальное для нас положение – иное словесное обозначение улыбки еще не означает, что перед нами другая улыбка, другой жест. Разные словесные обозначения улыбок могут вполне соответствовать одной жестовой форме, ср., например, **широкая улыбка, открытая улыбка, белоснежная улыбка или белозубая улыбка**, как в предложении (3) *Здравствуйте, друзья – промолвил обладатель белозубой, открытой улыбки и национальной гордости; именно промолвил – трудно было применить другой глагол к его неторопливому аккуратному выговору с заметным акцентом*.

С другой стороны, улыбки могут существенно различаться по смыслу, и главным поверхностным показателем смысловых расхождений, как и в естественном языке, является модифицированная форма. Кроме того, у разных смысловых типов русских улыбок, бывают, вообще говоря, разные контекстные жестовое, а возможно также языковое или параязыковое, сопровождения. Например, при **широкой улыбке** обнажены оба ряда зубов, что придает лицу несколько агрессивный вид, о чем писал еще Ч. Дарвин [Дарвин 1872/1965]; при этом за **широкой улыбкой** часто следует смех, а глаза улыбающегося смотрят на адресата или на объект, вызвавший улыбку. В то же время **застенчивая улыбка**, ср. (4) – *Фамилия твоя какая? – спрашивает он. – Кривомазов, отвечал я, поддельвая застенчивую улыбку, и он гладил меня по голове и кормил конфетами* (В. Пелевин. Омон Ра), больше похожа не на **широкую**, а на **нормальную, обычную**, или, как ее еще называют, **естественную улыбку**, поскольку

ку и при застенчивой и при нормальной улыбках виден только верхний ряд зубов. Однако застенчивая улыбка отличается по своей форме также и от нормальной улыбки: при производстве застенчивой улыбки, в противоположность нормальной, верхние зубы обычно приходят в контакт с нижней губой, а в некоторых вариантах физической реализации даже чуть ее прикусывают. К тому же голова улыбающегося застенчивой улыбкой всегда слегка опущена, и он никогда не смотрит партнеру в глаза.

Смысловые элементы, которые различают русские улыбки и которые составляют базу для семантической типологии, образуют дополнение инварианта до конкретного смыслового наполнения того или иного вида улыбок.

(10) Семантический анализ улыбок, понимаемых как жестовые знаки, должен быть непосредственно связан с их морфологическим и структурным анализом, с выделением и описанием типовых кругов употреблений каждой из выделяемых единиц. У русских улыбок разных видов круг употреблений и набор согласующихся с улыбкой жестовых и речевых выражений, вообще говоря, разный.

* * *

Обоснование сформулированных гипотез и утверждений непосредственно связано, во-первых, с практической ориентацией нашей работы на будущее лексикографическое, словарное, представление собранной кинетической информации в особом словаре русских улыбок, о котором мы еще скажем чуть позже, во-вторых, с естественно-языковым отображением жестов-улыбок и на возможность параллельного этим жестам кинетического, речевого и параречевого сопровождения, и в-третьих, с определением особенностей функционирования русских улыбок в текстах разных жанров и стилей.

§ 1. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИДЕЙ И РЕЗУЛЬТАТОВ, СВЯЗАННЫХ С АНАЛИЗОМ УЛЫБОК

Итак, основным объектом нашей работы являются невербальные единицы – улыбки.

С физиологической точки зрения улыбку можно описать как деятельность мускулов лица, в результате которой растягиваются губы. Авраам Линкольн как-то сказал: "The Dear Lord gave us our face, but we take our own mouth" 'Наше лицо нам дал Господь, но рот мы делаем себе сами'. С улыбки матери, с улыбки и голоса ребенка начинается жизнь человека на земле. Улыбающееся лицо матери является наиболее эффективным стимулом, на который способен реагировать младенец на самой ранней стадии своей жизни. Крупнейший теолог нашего времени Ганс Урс фон Балтазар во время своей последней лекции в 1988 году произнес такие слова: "Ребенок пробуждается к сознанию только любовью, улыбкой своей матери. В этой встрече открывается горизонт бесконечного бытия".

Первую улыбку на лице младенца можно заметить на 8-ой –10-й день его жизни, однако на такой ранней стадии развития улыбку бывает очень трудно каждый раз соотносить с каким-то одним, строго определенным стимулом: как показали многочисленные наблюдения, улыбки младенца возникают как реакции на самые разнообразные факторы. Между тем есть много данных, говорящих о том, что даже в этот период улыбка является знаком, обращенным к адресату, и всегда выражает желание ребенка получить что-то или от чего-то избавиться. По мере взросления человека его улыбки становятся еще более определенным знаком, и в норме улыбка означает 'удовольствие, радость, счастье'. Жесты широкая улыбка и обычная улыбка являются как раз носителями этих позитивных смыслов.

Большая часть улыбок представляет собой прагматически освоенные жесты, то есть единицы, ставшие устойчивыми и привычными для людей данного этноса или

данной культуры. Они сравнительно часто используются и стандартно интерпретируются людьми в процессе устного общения, в то время как противопоставленные им **прагматически неосвоенные единицы** употребляются в коммуникативном акте в гораздо меньшей степени и даже далеко не всегда распознаются как жесты. Прагматически освоенные улыбки входят в центр невербальной системы русского языка тела, а неосвоенные – в ее периферию или вообще еще только находятся на пути в лексикон рассматриваемого невербального языка. Важным показателем того, что улыбка относится к прагматически освоенным жестам, является наличие у нее стандартного языкового обозначения в виде закрепленной номинации (а чаще – нескольких синонимичных номинаций). Прагматически неосвоенные или плохо освоенные единицы не имеют общепринятого языкового имени (укажем, впрочем, что некоторые освоенные улыбки тоже не имеют стандартного языкового наименования, ср., например, разбираемый ниже жест "улыбнуться одними уголками рта").

Мы считаем здесь важным подчеркнуть, что улыбка как таковая является исключительно важным социальным и культурным феноменом, причем роль этого жеста постоянно растет. И в первую очередь это связано с увеличением числа и значимости социальных и культурных ритуалов в современном обществе. Речь идет о таких важных социальных ситуациях общения, как официальное представление-знакомство, деловые встречи, ведение коммерческих, дипломатических и политических переговоров, ритуализованные визиты и приемы, посещение банков, магазинов, юридических контор, медицинских и других общественных учреждений, и др. Отметим и сегодняшнюю исключительно важную общественную роль рекламы, где улыбка человека стала чуть ли не обязательным элементом. В этих и подобных им случаях мы всегда сталкиваемся с **социальными улыбками** разных типов, видов и форм. По-видимому, во всех без исключения культурах улыбки играют первостепенную роль в организации и поддержании социальной жизни и коммуникации людей. Каждая дружеская встреча и диалог начинаются с первой улыбки, с первого дара любви, дружбы или просто хорошего отношения, которые, впрочем, рождают у другого ответственность за такое отношение. Мы все любим искренние улыбки, считая их хорошим знаком, ср. пушкинское *Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю.*

Основное социальное назначение и мотивация русских улыбок – оказывать положительное влияние на адресата, в частности, успокаивать его и показывать добрые чувства к нему. Многие улыбки создают у партнера хорошее настроение или побуждают его к определенным действиям, ср. (5) *Он добрый? Вроде да – все время улыбается, говорит приятные вещи* (Тростников. Сильные мира сего).

Будучи употребленными как **коммуникативные мимические эмблематические жесты**, улыбки в своей семантической структуре содержат компонент 'я хочу, чтобы ты знал...'. Некоторые коммуникативные улыбки используются как знаки приветствия и прощания, люди их *дарят* другим в знак установившегося контакта или как обещание на будущее, ср. (6) *Она еще раз жала ему руку и ушла, подарив на прощанье чудную, но настолько несчастную улыбку, что я удивился* (Леру. Духи Дамы в черном). С другой стороны, по своей изначальной физиологической природе улыбки являются **симптоматическими знаками-эмблемами** согласно терминологии работ [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1996; Крейдлин 2001]. Иными словами, они являются такими жестами, которые в пределах данного невербального языка обладают собственным лексическим значением и способны выступать в коммуникативном акте изолированно от речи, выражая эмоциональное состояние субъекта, ср. характерные русские улыбки радости, смущения, растерянности, грустной иронии и под. Симптоматические улыбки дают выход чувствам наружу, представляя собой мимический сигнал, который свидетельствует, в частности, о позитивных чувствах, испытываемых улыбающимся человеком в настоящий момент. Человек может улыбаться своим мыслям и чувствам, даже оставаясь один.

Отметим особо, что там, где нет какого-либо, вербального или невербального, показателя **негативной эмоции**, там мы либо имеем дело с ситуацией физического или психического нездоровья человека, либо сталкиваемся с отсутствием полного проявления самой эмоции. Жестулирующий, как часто говорят, сознательно *сдерживает* или *подавляет свои чувства*. Умение человека не показывать своим поведением испытываемое им горе или демонстрировать сдержанность перед лицом опасности, то есть *сохранять* (sic!) *хладнокровие*, обычно оценивается другими людьми как положительное качество. Однако в случае испытываемых человеком позитивных эмоций ситуация иная: *неулыбающееся, деревянное или невыразительное лицо*, как и *окаменевший взгляд* или абсолютно *застывшая, неподвижная поза*, создают представление о "неживом человеке", и все эти невербальные манифестации оцениваются отрицательно. Кстати, совсем иное дело *непроницаемое лицо*, тоже не предполагающее появления на нем улыбки. Возможно, далеко не всегда приятное друзьям, оно не выдает информацию недругам, причем не только эмоциональную, но и когнитивную. Контроль за выражениями лица, в частности за улыбками, является одной из важнейших форм общего контроля человека за коммуникативной ситуацией.

Итак, у русских улыбок, как и у других симптоматических жестов, есть два типа **употреблений** – физиологически исходное, **симптоматическое**, употребление в качестве средства выражения эмоции и производное, **коммуникативное**, употребление – сознательная передача адресату некоторой информации. Однако для улыбок последний круг употреблений, в особенности социально-информативная и этикетная сферы, имеет значительно более высокую функциональную значимость и частоту, о чем свидетельствуют например, многочисленные языковые выражения типа *спрятать улыбку, сдерживать улыбку, удержаться от улыбки, убрать* (или: *снять, стереть*) *с лица улыбку*, ср. (7) *Посольство уже встало. Секретарь прошел мимо двери, стер с лица улыбку и холодно бросил: "Доброе утро товарищ Дакочи..."* (Алданов. Начало конца), а также сочтения *встретить кого-либо улыбкой, выдать* (или: *выжать*) *из себя улыбку*, ср. (8) *Надо будет выдать из себя улыбку, выйдет натянутой, но, если очень постараться, можно улыбнуться вполне прилично* (Алданов. Начало конца), *одарить* (или: *наградить*) *кого-либо улыбкой, раздвинуть губы в приветственной* (или: *прощальной*) *улыбке*.

Приведенные и аналогичные им языковые единицы показывают, что как коммуникативные жесты улыбки являются сознательными и контролируемыми выражениями лица, хотя, разумеется, и у разных людей, и у одного человека в разных жизненных ситуациях степень осознанности и контроля над улыбками может быть различной, о чем мы еще поговорим позже.

Как известно, многие культуры обладают особыми социальными и культурными моделями, или сценариями, невербального поведения, в том числе эмоционального. Человек, относящийся к конкретной культуре, хорошо знает ее правила и нормы, утверждаемые соответствующими сценариями, и обычно действует, соглашаясь с ними. В тех же случаях, когда поведение представителей данной культуры происходит с явным нарушением норм, то это делается ими либо осознанно – обычно с намерением выполнить определенное коммуникативное задание, – либо неосознанно. А тогда ненормативное поведение либо получает нестандартную интерпретацию, либо просто осуждается другими людьми как этически или эстетически нехорошее, как физически или психологически неприятное, а потому не благоприятствующее общению.

Американская культура, например, известна всему миру как система ценностей, одобряющая и высоко оценивающая улыбки на лицах людей, в том числе и в ситуациях, когда человек вовсе не испытывает положительных чувств. Многие русские, например, оценивают такое невербальное поведение американцев как неприятное, неискреннее и фальшивое. Между тем, как нам представляется, мы здесь просто имеем дело с серьезными межкультурными различиями. Целью подобного поведения улыбающегося американца является показать другому человеку, пусть

совсем незнакомому, что ему, например, приятна встреча с ним; да и вообще это хорошо, когда люди думают, что тебе сейчас хорошо. Американские коммуникативные улыбки по своей ориентации являются активными, так как многие из них содержат в семантической структуре компонент, отражающий некое моральное обязательство: 'я готов сделать для вас что-то хорошее'. А, скажем, в японской культуре достойным считается поведение, при котором адресат не должен видеть проявление плохих чувств на твоём лице, в частности потому, что ему от этого тоже может быть плохо, и по этой причине говорящему предписывается улыбаться даже в тех ситуациях, когда ему плохо. Таким образом, если одна из основных функций и задач американской улыбки состоит в налаживании и поддержании нормальной коммуникации, то у социальной японской улыбки *mikoniko*, о которой идет речь, главная функция – охранная, "сберегающая" чувства другого. Японская улыбка *mikoniko*, продукт с давних времен культивируемого этикета, чрезвычайно сложного и изысканного по исполнению, является более пассивной, чем разобранная американская, поскольку содержит компонент 'не хочу сделать вам что-то плохое'. Кроме того, согласно японским этикетным нормам коммуникативного поведения, информацию, болезненную или тревожную для адресата, тоже следует передавать с улыбкой, которая, однако, в этом случае является уже не просто знаком успокоения, но и, как говорят сами японцы, проявлением вежливости, выражающейся в высшем самоотречении.

* * *

Улыбкам как семиотически нагруженным единицам посвящено довольно много исследований. По всей видимости, человеком, с которого началось систематическое изучение движений тела и мимики лица, включая улыбки, был Джон Каспер Лафатер, пастор из Цюриха, опубликовавший в 1792 году "Эссе по физиогномике". Он был первым, кто провел подробное наблюдение и описание корреляций между выражениями лица, позами и жестами, с одной стороны, и типами личностных характеристик человека, с другой. (Следует, правда, напомнить, что Петроний, еще примерно за тысячу лет до труда Дж. Лафатера, в своем романе "Сатирикон" написал: "По лицу человека я узнаю его характер, а по походке могу прочесть его мысли".)

Каждое умственное, моральное или психическое качество души, по мнению Дж. Лафатера, находит отражение в "эстетических", как он их называл, свойствах тела. Красота, безобразие, физическая немощность, чрезмерные худоба или полнота рассматривались им как знаки, непосредственно указывающие на те или иные черты человеческого духа, то есть утверждалось прямое соответствие между физическими и психическими свойствами. Дж. Лафатер считал, например, что неприятное лицо указывает на то, что его обладатель – плохой человек вообще или человек, замысливший что-то нехорошее. Внешность человека, а также такие его качества, как обаяние, красота или уродство, имеют, по мнению Дж. Лафатера, свои корреляты в невербальном поведении человека; например, красота обусловлена не только чертами лица или характеристиками фигуры, но также свободой и уверенностью в движениях, умением держать и носить тело, изысканными жестами и взглядами. Человек со стиснутыми зубами, со зловецки сжатыми кулаками (любопытно, что в ряде языков, например в английском, для обозначения сжатых кулаков и стиснутых зубов или челюсти существует один и тот же глагол *to clench*) и вялыми, неуклюжими движениями едва ли может быть признан красивым, а человека, на лице которого не бьются улыбки, мало кто сочтет приятным.

Самым известным оппонентом пастора был выдающийся немецкий ученый и писатель Георг Кристоф Лихтенберг, который критиковал Дж. Лафатера за чересчур упрощенный подход к физиогномике (ср. "{...} Иногда злобой называют то, что делается с некрасивым выражением лица" [Лихтенберг 1965: 154]), за стремление объяснить мир, только исходя из сознания и из практической человеческой деятель-

ности, ср. "Как танцмейстер и учитель фехтования никогда не начинают изучения анатомии рук и ног, так и здоровая полезная философия должна брать свое начало из чего-то более высшего, чем эти отвлеченные умствования. Ногу надо ставить именно так, ибо иначе упадешь" [Лихтенберг 1965: 266]. Особенно беспокоили его те опасные следствия, которые может повлечь за собой подобный подход. Он писал, что "если физиогномика станет тем, что ожидает от нее Лафатер, можно будет вешать детей задолго до того, как они совершат поступки, заслуживающие виселицы". Г. Лихтенберг всегда подчеркивал, что правильное изучение выражений лица, в частности улыбок, и жестов должно сочетать в себе анатомический, физиологический и психологический анализы форм и способов движений человеческого тела.

Чарльз Белл, английский анатом, физиолог, хирург и художник, был одним из тех, кто первым заинтересовался выражениями эмоций на человеческом лице [Белл 1844]. Его работы в области функционального анализа нервной системы заставили обратить внимание на соотношение различных частей тела и деятельности отдельных групп мышц и нервов, функционально ответственных, как тогда считали, за выражаемые с их помощью эмоции. В частности, Ч. Белл пришел к заключению, что все сильные чувства, такие как страх, ярость, радость или горе, сопровождаются изменениями в дыхании, а также мускульной активности лица и корпуса (поскольку мускульная активность сама находится под действием изменившихся моделей дыхания). Как пишет он сам, "чтобы понять, как выражается эмоция, требуется тщательное изучение анатомии лица и органов дыхания". Что же касается улыбок, то ученый считал, что они передают тысячи различных значений, от "безмятежной улыбки доброты и презрительного изгиба в улыбке нижней губы до улыбки самодовольного тщеславия или улыбки сожаления".

Исследованием эмоций и их проявлений на лицах у человека и животного занимался и Чарльз Дарвин. В своей знаменитой книге [Дарвин 1872/1965] он специально останавливается на улыбке и отмечает, что наиболее яркие эмоции у человека проявляются в выражениях глаз и мимике, а из мимических жестов самым экспрессивным является улыбка.

В особенности много исследований было посвящено происхождению улыбки и ее эволюционному развитию. Так, в статье [Хофф 1976] речь идет о возникновении улыбок у высших приматов. Утверждается, что жест восходит к мимике обнаженных зубов, которая у всех обезьян связана с подчинением и легким испугом. В то же время противопоставленный улыбке, но тесно с ней связанный смех филогенетически соотнесен с игровым лицом (с так называемым игровым покусыванием, легкой агрессивностью и демонстрацией дружественных намерений субъекта).

О происхождении улыбок говорится и в работе [Блертон-Джоунз 1972], где представлены результаты наблюдений над улыбками у дошкольников и констатирована значимость социальной функции улыбок у детей при установлении ими коммуникативных контактов. Там же выявлена важная функция улыбок – функция **умиротворения** (ср. русские сочетания *успокаивающая улыбка*, *примирительная улыбка*, *обезоруживающая улыбка*). В этой функции улыбка у детей сходна с мимикой подчинения и страха у обезьян.

Р. Краут и Р. Джонстон [Краут, Джонстон 1979] тоже обращают внимание на то, что улыбка у животных возникла как сигнал, призванный сгладить напряженность во взаимодействиях между представителями одного биологического вида, живущими в одном коллективе, а потому "можно вполне предположить, что улыбки у людей тоже часто должны появляться в тех ситуациях, когда кто-то из них пытается успокоить или умиротворить другого, например, когда он или она сделали что-то неправильно или нарушили какие-то социальные нормы и приносят за это извинение" [Краут, Джонстон 1979: 1550]. З. Фрейд, однако, возводил улыбку к мимике грудного ребенка, которого только что накормили молоком и который показывает матери, что наелся.

Эти, а также последующие исследования Ван Хоффа вместе с С. Пройшофтом, посвященные социальным функциям улыбок и смеха (см., например [Пройшофт,

Хофф 1997], показали исключительно важную роль формы и положений губ, открытого рта и обнаженных зубов при исполнении основных видов улыбок.

Симптоматические улыбки-эмблемы составили предмет многочисленных трудов известного психолога, специалиста по эмоциям и их лицевому выражению П. Экмана и его коллег. Среди них выделим работы [Экман 1992; Экман, Фризен 1982; Экман, Дэвидсон, Фризен 1990], которые, однако, как и упомянутые выше исследования других ученых, лежат исключительно в области антропологии, психологии, этологии и физиологии, но не лингвистики.

Коммуникативные улыбки-эмблемы изучались в основном в связи с их интерактивными и социальными функциями. Так, в уже упомянутой работе [Краут, Джонстон 1979] было продемонстрировано одно любопытное соотношение между чувством радости и ее проявлением в виде обычной улыбки. Авторы наблюдали за поведением людей в естественных жизненных ситуациях, таких как встреча с другими людьми в учреждениях, театрах и иных общественных местах, приветствие любимой команды на стадионе или спортивной арене, игра в кегли в кегельбане и пр., и пришли к выводу, что люди редко улыбаются во время тех событий, которые предположительно являются каузаторами эмоций радости или счастья, то есть, например, когда производил успешный бросок шара во время игры в кегли или когда любимая команда забивала гол. Но улыбки всегда были спутниками людей во время коммуникативных взаимодействий, например, при встрече знакомых, при обращении к болельщикам той же команды со своей радостью, соседям по трибуне, или во время беседы в процессе игры в кегли. Такие улыбки рассматриваются как жесты, призванные выразить удовольствие от встречи или разделить успех, как призыв прокомментировать событие, происходящее на поле, и под. В то время, однако, оставалось неясным, были ли все это улыбки радости, – возможностей объективной проверки еще не было, да к тому же в естественных условиях это и сегодня не просто. Р. Краут и Р. Джонстон пишут (с. 1551), что они не знали также, одинаково ли исследуемые ситуации действовали на людей, за которыми велось наблюдение. Даже если предположить, что люди испытывали чувство радости, то часто возникавшие перепалки и потасовки с болельщиками другой команды во время матчей, подсчет очков после завершения партии в кегли и даже жаркое солнце могли для разных людей оказывать существенно разное влияние на интенсивность и длительность испытываемого чувства.

Одно из самых известных экспериментальных исследований последнего десятилетия, относящихся к сфере человеческих эмоций и эмоционального поведения, представлено в статье [Фернандес-Долс, Руиз-Белда 1995]. В ней описаны результаты анализа невербального мимического поведения 22 спортсменов разных стран (14 женщин и 8 мужчин), победителей летних Олимпийских игр в Испании, во время церемонии их награждения золотыми медалями. Авторы интересовали прежде всего улыбки на лицах чемпионов. Было выдвинуто, на первый взгляд очевидное, предположение, что эти люди испытывают чувство огромной радости от победы и что это чувство должно проявляться прежде всего в радостных улыбках на их лицах. Однако все оказалось не столь просто.

В ситуации награждения, уже самой по себе эмоционально накаленной, были выделены три фазы поведения, или три разных подтипа эмоциональных ситуаций, – поведение спортсменов перед пьедесталом (ситуация ожидания), нахождение на пьедестале во время награждения (ситуация коммуникативного взаимодействия с официальными лицами и публикой) и спуск с пьедестала и стояние перед флагом во время его подъема и исполнения национального гимна (некоммуникативная ситуация снятия предшествующего сильного эмоционального напряжения). Важные для нас выводы, к которым пришли авторы, таковы: (1) сами по себе радость и счастье от победы к улыбкам не приводят; испытываемых эмоций не достаточно для того, чтобы на лицах людей появились улыбки. Дело в том, что улыбки у подавляющего числа спортсменов наблюдались только во второй фазе, а именно в ситуации коммуникативного взаимодействия; (2) возможно, что в первой и третьей фазах многие вообще не

испытывали эмоций радости и счастья или умело их сдерживали, поскольку у большинства чемпионов улыбок в этих ситуациях не наблюдалось (в первой стадии было зафиксировано всего 4 улыбки из 22, а в третьей – вообще ни одной); (3) прототипическое выражение эмоции радости напрямую связано с коммуникативными и социальными задачами.

Иначе говоря, за улыбкой как невербальным средством выражения испытываемого чувства или переживания всегда стоят социальные мотивы, связанные, главным образом, с коммуникативным взаимодействием людей.

Исследования улыбок разных жестовых языков и культур показывают, что симптоматическая функция улыбки, которая отражает **когнитивный** – ‘мысль о чем-то’ и **эмоциональный аспект** – ‘это что-то улыбающемуся приятно’ и которая передается в толковании улыбки смысловым жестовым примитивом ‘выражает’, постепенно отходит на второй план как вторичная по степени своей употребительности и важности, а **главной** начинает становиться **коммуникативная** и **социальная составляющие**, о чем мы уже говорили. Коммуникативная функция улыбок тоже необходимо должна отражаться в их семантических представлениях, а потому смысловой инвариант улыбок содержит не только компонент ‘я чувствую нечто хорошее’, как вполне справедливо полагает А. Вежбицкая, но и коммуникативную пропозицию ‘я хочу, чтобы ты знал...’, вводимую жестовым семантическим примитивом ‘показывает’ (о жестовых семантических примитивах см., например, в работе [Крейдлин, Григорьева, Григорьев 1996]).

Данный вывод, впрочем, следует пока что рассматривать не как окончательное утверждение, а как предварительную гипотезу. Ведь **лингвистический анализ жестов-улыбок** еще только начинается; до сих пор он остается совершенно в стороне от основного руслу исследований в области кинесики и лингвистики. Ни семиотический анализ жестов-улыбок и их вариантов, ни соотношение языковых номинаций улыбок с реально воспроизводимыми жестами, за исключением ряда работ А. Вежбицкой по семантическому анализу выражений лица, в частности, поиску семантического инварианта жестов-улыбок (см. [Вежбицкая 1993; Вежбицкая 1995] и особенно [Вежбицкая 1999]), не были, насколько нам известно, предметом специальных работ, причем сказанное касается как русских жестов-улыбок, так и иных. Между тем легко показать, что даже одна только вариативность в составе русских жестов-улыбок, как видно из разнообразия их названий и способов физических реализаций, могла бы стать объектом отдельного семиотического или лингвистического анализа. Русские люди последовательно различают, например, такие жесты, как **улыбка**, **усмешка**, **гримаса**, **оскал** и **ухмылка**, и такие слова, как глаголы *усмехаться*, *скалиться*, *лыбиться* и *осклабиться*.

В ряде исследований А. Вежбицкая дает толкование **улыбке** исходя из того, что улыбка как жест представляет собой нечто цельное и единое, что это не класс единиц, а одна единица. Так, в своей монографии [Вежбицкая 1999: 173] она пишет: "... a smile is not polysemous (it doesn't have a fixed number of distinct meanings), and it does have one semantic invariant identifiable independently of context ('улыбка – не является полисемантической единицей (она не имеет фиксированного набора отдельных значений) и обладает смысловым инвариантом, устанавливаемым независимо от контекста')". И далее продолжает: "... the core meaning of a smile (that is, roughly speaking, of the configuration of facial muscles in which the corners of the mouth are raised, and of the movement which produces this configuration) can be stated as follows: "I feel something good now" ("основное значение улыбки (то есть, грубо говоря, конфигурация мышц лица, при которой подняты уголки рта, а также движение, благодаря которому такая конфигурация достигается) можно сформулировать следующим образом: 'я чувствую сейчас что-то хорошее'"). Ко многим аргументам, представленным А. Вежбицкой в защиту именно так формулируемого смыслового инварианта, можно добавить еще один, связанный со смысловым согласованием прямой речи и комментария к ней, ср. два комментария

к прямой речи – нормальное предложение "*Хорошо, что старик уехал: его от этой музыки разбил бы паралич*", – с улыбкой подумал он и неправильное "*Плохо, что Дима не приехал*", – с улыбкой подумала она.

Между тем, полностью соглашаясь с формулировкой единого смыслового инварианта для всех улыбок, мы хотели бы все же выразить сомнение по поводу двух из высказанных А. Вежбицкой положений.

Во-первых, как показывают наши собственные видео- и визуальные наблюдения, а также целый ряд полевых и лабораторных исследований по описанию выражений лица, выполненных другими людьми, **не при всяких улыбках поднимаются уголки рта**, хотя соответствующие жесты продолжают **называться улыбками** (ср. *кривая улыбка*, которая стоит даже ближе к *ухмылке*, чем к стандартной настоящей улыбке, или *обиженная улыбка*, также сильно модифицированная форма по сравнению с улыбкой обычной). Г. Сифорд [Сифорд 1978] отмечает, в частности (с. 7), что форма "уголки рта подняты", которая обычно называется U-образной формой, не характерна для улыбок американцев, живущих на юге Америки, – там улыбки исполняются без поднятых уголков рта ("*unraised corners*").

Мы, однако, абсолютно солидарны с Е.В. Урысон [НОСС 2000: 365–368] в том, что при всякой улыбке **рот растягивается**, и именно этот признак является общим для всех форм улыбок.

Во-вторых, из наличия у улыбок смыслового инварианта еще не следует, что жест улыбки имеет одно значение: смысловой инвариант может оставаться таковым для каждого отдельного значения, для каждой отдельной улыбки, "перетекая" от одного значения к другому. При анализе улыбок следует учитывать не только ранее приведенные различия в именах жестов, но и наличие языковых операторов, видообразующих и модифицирующих улыбку, например, прилагательные при именах и наречия при глаголах. Именно различные типы смысловых наращений, модификаций и других смысловых когнитивных операций над инвариантом создают разнообразие смысловых типов русских улыбок, часто даже размывая границы между улыбками и другими видами жестов (подобно тому как прилагательное *пивная*, приложимое к имени *кружка*, выводит, как считает А. Вежбицкая, *пивную кружку* за пределы настоящей, или прототипической, *кружки*; см. об этом подробно в книге [Вежбицкая 1985]).

Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о смысловых, а не, например, о психологических, особенностях улыбок (хотя, заметим попутно, нам интересна не только семантика, но также и прагматика улыбок, их употребление, функции и роли в коммуникации людей). Ср. такие разные жесты, как *голливудская улыбка*, которую все носители русской культуры воспринимают как неискреннюю, ненастоящую улыбку, как *кривая улыбка* или, например, *холодная улыбка*, не передающие в целом именно того смысла, который, по мнению А. Вежбицкой, имеет жест улыбки, ср. (9) *Он был выше меня на полголовы и, вероятно, чуть постарше; войдя в освещенную прожектором зону, он поднял ладонь в черной перчатке, растянул губы в холодной улыбке, и перед моими глазами на секунду мелькнул летчик в кабине истребителя с пиковым тюзом* (Пелевин. Омон Ра).

§ 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ УЛЫБОК: МЕТОДИКА И СПОСОБ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ

Вопрос о внутриязыковой семантической типологии невербальных единиц, и в частности улыбок, насколько нам известно, до сих пор никогда не ставился. Не рассматривалось и соотношение между названием классов жестов – *улыбка* – и глаголом *улыбаться*, хотя это соотношение достаточно нетривиальное и интересное для изучения, ср. *широкая улыбка* – *широко улыбаться*, *счастливая улыбка* – *счастливо улыбаться*, *глупая улыбка* и *глупо улыбаться* и *умная улыбка* – **умно улыбаться*,

знакомая улыбка – *знакомо улыбаться, улыбнуться в знак прощения и *улыбка прощения. *Постоянная улыбка* – это не то же самое, что *постоянно улыбаться*, предложение *Она приветливо улыбалась* обозначает активные действия субъекта, субъект контролирует ситуацию, а фраза *На ее лице появилась приветливая улыбка* означает, что что-то произошло с субъектом, и он ситуацию не контролирует. По-русски можно сказать *Быть две недели в обществе Викторова ей не очень улыбалось, но когда же появится еще одна возможность увидеть Лондон?*, однако для этого значения глагола *улыбаться* в русском языке нет соответствующего деривата – существительного, и т.п.

Несмотря на то, что сама типология улыбок до сих пор не попала в сферу внимания ученых, некоторые психологи и специалисты в области социальной коммуникации выделяли и описывали отдельные важные разновидности улыбок. Из известных нам исследователей, которые, по всей видимости первыми, пытались выделить и описать наиболее часто встречающиеся улыбки, были Ч. Брэнниган и Д. Хэмфрис [Брэнниган, Хэмфрис 1967]. Они рассматривали как отдельные три разновидности улыбок (названия терминологические, а не реально языковые): *simple smile* ‘обыкновенная, нормальная улыбка’, *upper smile* ‘верхняя улыбка, или улыбка, приоткрывающая верхние зубы’, *broad smile* ‘широкая улыбка’ (с. 44), и это деление жестов, основанное исключительно на их физических признаках, может служить основой для формальной, или морфологической, классификации улыбок. Мы надеемся, впрочем, показать, что эти формы довольно жестко соотносятся с определенными семантическими типами улыбок.

Наша работа по созданию семантической типологии русских улыбок строилась следующим образом. Из данных, собранных в процессе наблюдений за улыбками людей, а также из анализа номинаций улыбок, взятых из большого массива текстов, были получены дифференциальные признаки, по которым в дальнейшем осуществлялась классификация. Более конкретно, невербальный материал был взят из различных видеозаписей, сделанных любительской камерой, а также из повседневных визуальных наблюдений, а вербальный материал – из произведений русских писателей первой и второй половины XX века.

На начальном этапе построения семантической типологии, о котором пойдет далее речь, мы решили уделить больше внимания **соотношению жестов-улыбок и их языковых обозначений**. Нам хотелось прежде всего решить две задачи: во-первых, выяснить, как обозначают разные виды улыбок носители языка, прежде всего русские писатели, и, во-вторых, можно ли реконструировать конкретный вид жеста-улыбки по его языковому описанию.

Мы исходили из того,

– что за каждым видом улыбок стоят не только конкретные значения дифференциальных признаков, определяющих лексикографический портрет одной улыбки, но и интегральные признаки, задающие лексикографический тип улыбок;

– что русские улыбки многофункциональны и скрывают за собой ряд смыслов, обеспечивающих нормальное протекание речевой коммуникации, в частности такую важную ее социальную функцию, как установление контакта или желание поддерживать его, а также обозначают такие смыслы, как ‘приветливость’, ‘искренность’, ‘теплота’ и ряд других;

– что вариативность присуща не только самим улыбкам, но и их языковым обозначениям. Имена русских улыбок допускают вариативность разного плана: синтаксическую, лексическую и стилистическую, о чем, помимо наших наблюдений, убедительно свидетельствуют, например, недавние замечательные лексикографические работы Е.В. Урысон [НОСС 2000: 365–368] и Л.Н. Иорданской и С. Паперно [Иорданская, Паперно 1996: 367–372]. Ср., хотя бы такие слова и словосочетания, как *улыбка счастья* и *счастливая улыбка*, *улыбка* и *улыбочка*, *улыбнулся*, *одарил улыбкой* и *расплылся в улыбке*, *скривил губы в улыбке* и *кривая улыбка*, *заученно улы-*

баться и улыбаться заученной улыбкой, выразить улыбкой благодарность и улыбнуться в знак благодарности и др.;

– что названия русских улыбок дают богатые по численности и лексическому разнообразию синонимические ряды, соответствующие, по всей видимости, одному жесту. Рассмотрим ряд *радостная, веселая, радужная, счастливая, восторженная улыбка*. Эти номинации отражают значение и функцию улыбки как жеста радости, что составляет смысловой инвариант ряда: 'я чувствую сейчас нечто очень хорошее'. Интересно, что так улыбаются, например, даже слепые дети, которые не могли видеть улыбку вообще и которых этому жесту никто не учил; они воспринимают ее как бы "мышечно". Как утверждает К. Мори-Руан [Мори-Руан 2000], слепые дети радостной улыбкой реагируют на некое приятное событие или на что-то смешное. Это наблюдение подтверждает также Г. Уэйнрайт, которая пишет: "Даже слепые от рождения дети, никогда не видевшие чужого лица, улыбаются, когда что-то им нравится" [Уэйнрайт 1999: 52]. Впрочем, в обеих цитируемых работах не проводилось четкого различия между улыбкой и смехом, что, на наш взгляд, следовало бы сделать.

* * *

В предыдущих параграфах речь шла, главным образом, о теоретических положениях и методологических предпосылках построения внутриязыковой семантической типологии невербальных единиц. В последующих разделах работы описываются основные семантические типы русских улыбок.

Сначала в § 3 мы обратимся к важнейшим признакам, различающим улыбки, разбивая их на классы: физические признаки, социальные признаки, психические признаки, оценочные характеристики и др. Поскольку все эти признаки в русском языке регулярно выражаются прилагательными, классификация улыбок, будучи окончательно построенной, может одновременно служить и семантической классификацией соответствующих русских прилагательных². Наряду с сочетаниями слова *улыбка* с видообразующими прилагательными рассматриваются также и другие атрибутивные конструкции с этим словом. Далее, в § 4, на базе полученной классификации определяются главные семантические типы русских улыбок. Заметим сразу, что отнюдь не про каждую улыбку сегодня можно с полной уверенностью сказать, в какой семантический класс она входит, или образует ли данная улыбка самостоятельный тип. Окончательный ответ на эти вопросы можно будет дать только после того, как будет построено исчерпывающее семантическое описание всех улыбок и их имен. Наконец, в § 5 ставится задача реконструкции жеста по его языковому описанию и намечаются некоторые пути ее решения.

Одна из причин выбранной композиции дальнейшего изложения материала заключается в следующем. Нам бы хотелось по возможности сохранить сложившуюся традицию обозначения некоторых классов, уже выделенных ранее в научной литературе, однако эти классы обозначаются иногда с помощью элементов физической реализации улыбок, а иногда с помощью элементов семантического описания. Именно поэтому сначала нами описывается атрибутивная сочетаемость, а потом указываются семантические классы улыбок. Элементы каждого из классов улыбок в общем случае собираются из единиц различных групп сочетаемости.

§ 3. СЕМАНТИКА АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ СО СЛОВОМ УЛЫБКА

1. Физические признаки

Из физических признаков назовем прежде всего (а) форму и степень открытости рта и положение губ.

² Многие из приводимых ниже сочетаний прилагательных со словом *улыбка* содержатся также в работах [Иорданская, Паперно 1996] и [Урысон 2000].

Наши языковые данные подтверждают гипотезу этологов и антропологов о решающей роли формы рта и зубов в формировании жестов-улыбок. Мы различаем две разновидности русских улыбок: улыбки, в названиях которых отображается участие тех или иных органов при их производстве, и улыбки, в названиях которых отражается восприятие адресатом или третьим лицом формы рта, губ, зубов и пр. улыбающегося.

К первой группе относится, например, **белозубая улыбка**. Это улыбка с достаточно широко открытым ртом, открывающим зубы, ср. (10) *В этот момент дверь открылась и из соседнего помещения вышел высокий представительный джентльмен с белозубой улыбкой, сразу выдававшей в нем иностранца*. Сюда же попадают жест "**улыбнуться одними уголками рта**", не имеющий стандартной номинации и представляющий собой своеобразную, едва заметную улыбку, при которой степень растянутости рта максимально низкая и в образовании которой участвуют только уголки рта, жест "**улыбаться с сомкнутыми губами**", тоже не имеющий идиоматичного названия, и некоторые другие.

Ко второй группе принадлежат, например, **улыбка на тонких губах**, выражающая эффект от восприятия почти сомкнутых, растянутых и вытянутых в одну линию губ, при этом зубы не видны, **белоснежная улыбка**, **открытая улыбка** и **широкая улыбка**, когда рот широко раскрыт, видны оба ряда зубов, глаза улыбающегося обычно светятся радостью, см. также (11) *Обнажив в улыбке зубастый рот, он двинулся в нашу сторону, заранее распахнув объятия, которые, как мне подумалось с облегчением, были предназначены зятю* (Искандер. Табу), и ряд других улыбок.

Многие из подобных улыбок в своей смысловой структуре содержат элемент оценки. Отметим, что наличие оценочных компонентов в семантике русских улыбок является характерным признаком этого класса жестов. Прилагательные *кривая, натянутая, дрожащая* являются языковыми характеристиками формы улыбки (например, форма **натянутой улыбки** близка по форме **тонкой улыбке**, но зубы при **натянутой улыбке** часто сжатые), однако это не исключительно показатели формы, но также слова, передающие ее отрицательную оценку со стороны говорящего. Приведем пример: (12) *У меня отнялся язык. И они, кажется, это почувствовали. – Ты тоже без дела не останешься! – генерал улыбнулся, но улыбка его была натянутой и неохотной*.

Еще одним физическим признаком, характеризующим улыбки, является (б) **интенсивность**.

Параметр интенсивности биологически обусловлен действием **большого скулового**, или, как говорят физиологи, **зигоматического мускула лица** (*zygomatic major*). Изучавший социальную функцию улыбок А. Фридланд [Фридланд 1994] показал, что как в случае воображаемого, так и в случае реального партнера по коммуникации главную роль в улыбке играет именно этот мускул, который идет вдоль лица от угла губ вверх к передней части уха. А. Фридланд пишет, что при воспроизводстве улыбки "наблюдающий ее адресат физически может отсутствовать: активная работа большого скулового мускула точно так же происходит и при психологическом наблюдателе (*psychological coviewer*)" [Фридланд 1994: 236]. Отметим, что, строго говоря, степень интенсивности создается не одной улыбкой, а целым комплексом "улыбка + отдельные компоненты некоторых других мимических, и не только мимических, жестов, прежде всего жестов глаз".

Известно, что в производстве **слабой улыбки**, равно как и **вымученной, вялой, блеклой** и т.п., участвуют только скуловые мышцы. Рот жестикулирующего лишь слегка растянут и почти совсем не раскрывается, глаза грустные, мануальная и мимическая жестикуляция резко ограничены. И эти улыбки, составляющие отдельный тип, несут в себе соответствующие смыслы нездоровья, угнетенного состояния, личной или социальной зависимости ("улыбки снизу вверх"). Например, **слабая улыбка** является лишь подобием обычной, стандартной улыбки, то есть является жестом, свидетель-

ствующим о болезненном состоянии человека, его физической немощи, об особом психическом состоянии субъекта или об отношении к адресату ('робость', 'почтение'). Ближние к *слабой улыбке бледная, тусклая, вымученная, вымороченная улыбки* подчеркивают в своем названии разные оценки, связанные с тем или иным состоянием жестикулирующего, но при этом все они передают слабую по интенсивности улыбку и образуют вместе с ней отдельный тип.

В то же время большая степень открытости рта, и, соответственно, большая интенсивность, влечет за собой активизацию расположенных около глаз, или околоорбитных, мускулов. Для улыбок с подобной физической реализацией в теории эмоций существует даже особое видовое, терминологическое, понятие – *улыбка Дюшена* – по имени физиолога, описавшего ее форму [Дюшен 1862/1990]. В работе [Экман, Дэвидсон, Фризен 1990] показано, что улыбка Дюшена является подлинным проявлением положительных эмоций радости и счастья, а потому может служить невербальным ключом к распознаванию этих эмоций. Основными компонентами ее физической реализации являются: (а) растянутый, приоткрытый или открытый, рот с приподнятыми вверх уголками рта – результат действия основного скулового мускула; (б) сопутствующее движению губ поднятие щек и (в) появление складок кожи около глаз (действие околоорбитных мускулов).

2. К физическим признакам примыкает признак '*время*'. Прилагательные времени, как и прилагательные интенсивности, тоже не являются видообразующими.

Применительно к улыбке мы предлагаем различать два разных признака '*время*' – *абсолютное* и *относительное время*.

Абсолютное время характеризует улыбку по времени ее исполнения (ср. *утренняя улыбка*) или по ее длительности (ср. *быстрая улыбка, мимолетная улыбка*). Прилагательные при слове *улыбка* обычно выражают признак длительности как вторичный по отношению к другим свойствам, таким, как например, статичность или изменчивость, и передают особенности восприятия того или иного типа улыбки адресатом или сторонним наблюдателем: *неуловимая улыбка* – это '*настолько быстрая улыбка, что как бы незаметная и потому трудно фиксируемая*', *постоянная улыбка* (в одном из пониманий этого сочетания) отличает человека, улыбающегося все время в течение беседы, а близкая к ней *неизменная улыбка* говорит о том, что улыбка не сходит с лица и что форма ее не меняется.

Относительное время представляет собой параметр, назначение которого показать, что произведенная улыбка совершается вовремя или не вовремя. Например, *запоздавшая улыбка* свидетельствует о том, что произведший ее человек совершил неуместное действие, поскольку, по мнению говорящего, время, когда было уместно улыбаться, прошло; ср. (13) *На другой день был к обеду его шурин, говорили как раз об иске Горна, дочка с некрасивой жадностью пожирала шоколадный крем, жена ставила вопросы невпопад. "Что ты, с луны, что ли, свалилась?" – сказал он и запоздалой улыбкой попытался смягчить выказанное раздражение* (Набоков. Запята Лужина).

Прилагательные времени занимают в известной степени промежуточное положение между словами, характеризующими улыбку как жестовый знак, который имеет определенную форму, то есть обозначающими разнообразные физические параметры, и словами, характеризующими ментальное, психическое или физическое состояния субъекта – носителя улыбки. Действительно, сочетание *постоянная улыбка*, как мы уже говорили, характеризует человека, с лица которого улыбка во время разговора не сходит. Вместе с тем прилагательное *постоянный* обозначает также свойство самой улыбки, а именно ее длительность. Прилагательные относительного времени, такие как *преждевременная улыбка, запоздавшая улыбка, несвоевременная улыбка* и им подобные, саму улыбку семантически не определяют; они говорят нам нечто о ситуации

в целом, то есть и о самом жестикулирующем, и об отношении времени появления на его лице улыбки ко времени описываемых в предложении событий.

3. Перейдем теперь к **социальным признакам**.

Кинетическими переменными, не только определяющими конкретный вид улыбки, но и фактически задающими контекст ее употребления, являются стандартные социальные характеристики жестикулирующего – (i) возраст, (ii) профессия (в том числе обозначение местности, где распространена данная профессия, ср. жест **голливудская улыбка**), (iii) вид ситуации, в которой появляется улыбка, а также (iv) тип социальных и межперсональных отношений между жестикулирующим и его партнером по коммуникации.

Что касается (i) возраста, то в русском языке жестов выделяется как особая **детская улыбка**, свойственная только взрослым (при этом **взрослой улыбки** нет) или **младенческая улыбка**, см. (14) *Итак, граждане, – заговорил Бенгальский, улыбаясь младенческой улыбкой, сейчас перед вами выступит...* (Булгаков. Мастер и Маргарита); есть также **старческая улыбка**.

Скажем несколько слов и по поводу отражения в названиях улыбок (ii) профессии их носителя. Есть профессиональная **клоунская улыбка**, есть, как мы уже говорили, **голливудская улыбка**, ср. (15) *Перехватив заинтересованный взгляд Савелия, он расплылся в голливудской улыбке*.

Последнее имя явно заимствовано, однако жест и по форме и по семантике прочно вошел в центр русского языка жестов. **Голливудской** мы называем улыбку **искусственную, деланную или фальшивую**, однако, поскольку в намерения жестикулирующего входит показать ею хорошее отношение к адресату или (возможно, в действительности не испытываемые в данный момент) хорошие чувства, ее физическая реализация должна максимально походить на настоящую улыбку. Так обычно улыбаются красавицы с обложек журналов, ведущие телепрограмм, продавцы.

Помимо названий улыбок по некоторым видам профессий, имеется и родовая **профессиональная улыбка**. Она свойственна продавцам, банковским служащим, врачам, психологам, юристам, работникам ЗАГСов и многим другим чиновникам: (16) *При этом все встали. После чего, с профессиональной улыбкой, чиновник почтил новобрачных сырым рукопожатием, и все было кончено* (Набоков. Защита Лужина). Интересно, что не существует таких видовых профессиональных, стереотипных для русского языка, улыбок, как ***командирская, тренерская, учительская улыбка** и т.п.; ср. существование **командирского, тренерского, учительского голосов** [Крейдлин 1999].

Важное место в ряду кинетических параметров, выражаемых улыбкой, занимают (iii) вид ситуации общения, в которой появляется улыбка, ср. **прощальная улыбка, приветственная улыбка**, и (iv) социальные и межперсональные отношения между партнерами по коммуникации, ср. **отеческая, материнская, дружеская, приятельская улыбка; начальственная, барская, хозяйская или холуйская улыбка**. Приведем лишь один пример. Д.М. Погодин вспоминал о салоне Е.П. Растопчиной, что для каждого, кто входил в ее гостиную, *"находилось ласковое слово, привет, дружеская улыбка, пожатие руки и каждому у ней было тепло, весело, приятно..."*.

Выражение отношений с помощью улыбок является типичным коммуникативным приемом, который с высокой частотой фиксируется в русских текстах. 'Вежливость', 'почтительность', 'предупредительность', 'учтивость' и некоторые другие качества – все они могут передаваться с помощью соответствующих улыбок. А признак пола сам по себе, обособленно от других признаков, не выражается – нет ни **женских**, ни **мужских улыбок**, хотя пол вместе с возрастом, например, уже вполне могут обозначаться: существуют и **мальчишеская улыбка** и **девичья улыбка**.

4. Зато физическое состояние человека свободно передается с помощью этих жестов, и мы говорим о *болезненной улыбке, нездоровой улыбке или о вялой улыбке*. При этом обычно выражается только **плохое** физическое состояние, ср., например, неправильное сочетание *здоровая улыбка. Прилагательные физического состояния могут описывать также некоторые психологические состояния человека – робость, застенчивость, нерешительность и т.п., и в этом они сходны с прилагательными интенсивности. Ср., например, следующий текст: (17) *Я увидел этого человека через несколько дней. Он был невысок, хрупок, светловолос, с предупредительными, без угодливости, манерами. Говорил тихо и немного, улыбка у него была неуверенная, застенчивая, болезненная какая-то.*

5. Наибольшую по численности группу занимают психологические признаки и выражающие их прилагательные. Эти слова бывают нескольких смысловых типов.

А. Первую группу составляют определяющие улыбку прилагательные, которые обозначают актуальное эмоциональное состояние субъекта. Соответствующие улыбки выражают либо сочетание двух и более чувств, испытываемых человеком, либо быструю смену одного чувства другим. **Грустная улыбка** – это улыбка на лице грустящего человека или, точнее, улыбка, подобная той, которая бывает у человека, когда тот грустит, – потому что, когда мы решаем, действительно ли человек с данной улыбкой грустный, мы автоматически производим умственное сопоставление с известным нам эталоном, ср. (18) *Я вспомнил о том, как я не собирался дожидать до этой зимы, до первого снега. Это вызвало у меня грустную улыбку.*

Рассеянная улыбка – это улыбка человека, погруженного в свои мысли, а **удивленная улыбка** обычно возникает, когда происходит какое-то неожиданное событие, к которому или к возможному результату которого у жестикулирующего хорошее отношение (например, человек случайно встречает на улице друга детства, с которым много лет не виделся). **Удивленную улыбку** отличает слегка приоткрытый рот, что почти всегда бывает при выражении удивления, но губы растянуты в улыбку, а их уголки чуть оттянуты назад; кроме того, брови подняты, а глаза улыбающегося человека несколько расширены по сравнению с нормой. Чувство удивления обычно быстро проходит, и форма лица меняется: на нем остается **обычная или широкая улыбка**. См. также такие улыбки, как *страдальческая, задумчивая, глупая, довольная, тревожная, смущенная, злая, угрюмая, хитрая, лукавая, озорная, злобная улыбки*, ср., например, (19) *Я обратил внимание на его улыбку: она была жестокая и глупая, словно улыбка ребенка, приклеенная к лицу взрослого (Леру. Духи Дамы в черном).* Многие из приведенных сочетаний образуют отдельные смысловые типы улыбок.

Б. Вторую группу образуют психологические прилагательные, выражающие постоянное свойство, а не временное состояние: *мудрая, добродушная, умная, надменная, наглая улыбка*. Впрочем, как хорошо известно, между первой и второй группой нет непроходимой границы: в ту же вторую группу могут войти, например, рассмотренные выше *страдальческая улыбка* и *рассеянная улыбка*, если эти улыбки, соответственно, характеризуют людей, по натуре склонных к страданиям и мечтательных, и потому постоянно им присущи.

В. В третью группу входят слова, обозначающие отношение жестикулирующего а) к адресату, б) к ситуации или предмету речи а, возможно, и к третьему лицу. Имена *добрая, ласковая, любезная, нежная, заискивающая, недоверчивая, дружелюбная, презрительная, благосклонная, обольстительная, кокетливая, милостивая, сладкая, снисходительная* и под. применительно к улыбке выражают отношение к адресату, *торжествующая, деловая, победная, скептическая, невозмутимая* – к ситуации, предмету речи или третьему лицу. Ср. например, (20) – *В Таллинне опохмелимся, – сказал Жбанков, – есть около шести рублей. А хочешь, я тебе приятную вещь скажу? Жбанков подмигнул мне. Радостная, торжествующая улыбка преобразила*

его лицо. – Сказать? Мне еще Жора семьдесят копеек должен! (Довлатов); (21) Он опять со снисходительной улыбкой направлял на нее токующий взгляд, под которым она еще больше выпрямлялась... (Искандер. Табу); (22) Странная, медленная, нежная улыбка всплыла из глубины существа Борского и завладела лицом, наделив его непривычной мягкостью (Нагибин. Поездка на острова); (23) Улыбка у него была всегда сладкая: степень ее сладости зависела не от содержания разговора, а от того, с кем он говорил. Но коричневые глаза его никогда не отвечали улыбке, в них постоянно было беспокойство; иногда они желтели и сразу становились очень злыми. В этом полном несоответствии глаз и улыбки заключалась особенность его лица, вызывающая у наблюдательных людей смутную тревогу (Алданов. Начало конца); (24) "Пожертвовав четвертью акций, концерт перестанет быть белой вороной в сферах реального бизнеса... Это высокая, но разумная плата", – подчеркнул Андрияша, улыбаясь господам безжизненной деловой улыбкой (Гер. Сказки по телефону).

Описываемые здесь улыбки нередко смягчают отрицательные чувства и отношения к адресату, а иногда даже ловко маскируют отрицательные и – реже – нейтральные эмоции. Так, улыбка на лице говорящего, появившаяся сразу же вслед за резкими словами, брошенными в адрес собеседника, имеет ясную прагматическую цель – по возможности успокоить адресата, показать ему, что говорящий не намеревался его обидеть, что резкие слова говорящего не стоит воспринимать слишком серьезно, что адресат уже прощен, что к нему хорошо относятся, и под. Но в другой ситуации улыбка уже может быть вызвана совсем другими причинами. Например, в европейской культуре человек (как правило, это бывает мужчина) часто *натягивает на лицо улыбку*, как маску, стремясь в данной ситуации общения "сохранить лицо", то есть следовать этической установке не демонстрировать в разговоре мыслей и чувств, не вписывающихся в приятные обществом нормы поведения. (Не случайно, в одном из "Писем к сыну" граф Честерфилд, всегда наставлявший сына, как тому следует вести себя в светском обществе, писал, что превыше всего человеку нужно иметь *volto sciolto e pensieri stretti*, то есть открытое лицо и скрытые мысли.) В этих случаях человек не хочет показать собеседнику, какие у него возникли переживания, не хочет раскрыть перед ним своей истинной обиды, сожаления, злости, боли, недоверия, удивления или еще какого-либо реально появившегося отрицательного или нейтрального чувства. Такое невербальное поведение вызвано "требованиями момента" и может быть связано, в частности, со стремлением улыбающегося извлечь для себя какую-то выгоду, однако изначально оно всегда обусловлено существующими социальными нормами и правилами этикетного поведения. И хотя во всех случаях улыбки означают, что человек чувствует что-то хорошее, ситуации и мотивы возникновения улыбок, а также форма передачи и степень проявления испытываемых чувств могут быть самыми разными.

Г. Четвертая группа слов состоит из психологических прилагательных, которые отражают намерения жестикулирующего по отношению к собеседнику, например, желание его успокоить, утешить, приободрить, посочувствовать, поблагодарить, польстить, пококотничать или, наоборот, причинить зло, обмануть, войти в доверие, соблазнить и многое другое; ср. *успокаивающая, ободряющая, льстивая, подкупающая, сочувственная, благодарная, кокетливая, коварная, угодливая, предательская, соблазнительная, призывная улыбки*.

Д. Пятая группа – это слова, описывающие соответствие или несоответствие улыбки реальному психологическому состоянию улыбающегося: *искусственная, деланная, (не)естественная, (не)натуральная, фальшивая, неуместная, притворная, (не)искренняя, заученная, отработанная, натянутая* и т.п. улыбки. Часть из перечисленных прилагательных, например, *искусственная*, является видообразующими. **Искусственная** (а также: **фальшивая, ненатуральная, неестественная, деланная**) улыбка напо-

минает **верхнюю улыбку**, разновидность **естественной**, однако между ними, помимо очевидных смысловых, имеются и некоторые структурные различия.

Поставив важный и интересный вопрос о том, можно ли по выражениям лица отличить искренние проявления чувств от притворных, и анализируя различные формы и конфигурации лица, которые могли бы служить достаточно надежными невербальными ключами к распознаванию обмана и лжи, известные в мире специалисты в области теории эмоций П. Экман и У. Фризен исходили из того, что мимику рта физиологически легче контролировать, чем, например, движения глаз или движения мышц верхней части лица. Поэтому именно в верхней части лица следовало, по их мнению, искать произвольно возникающие и не контролируемые черты, свидетельствующие о неискренности воспроизводимых жестов. В частности, изучая разного рода улыбки, им удалось показать (см., например [Экман, Фризен 1982]), что **искусственная**, или **фальшивая**, улыбка не образует под глазами тех кожных складок, что появляются при обычной **верхней улыбке**, и что человек, улыбающийся **фальшивой улыбкой**, не способен намеренно воспроизвести эти складки под нижними веками. П. Экман и У. Фризен утверждают, что даже малоискушенный, но достаточно внимательный человек после некоторой тренировки сумеет отличить **фальшивую улыбку** от **естественной**. И в этом ему может помочь также то обстоятельство, что, как показала многолетняя практика наблюдений над бытовым поведением людей разных культур, **фальшивая улыбка** на лице человека чаще всего возникает невовремя, то есть раньше или позже, чем можно было бы ожидать.

Е. Шестая группа – это имена прилагательные, передающие стилистические особенности поведения человека или стилистические особенности текста, например *ироничная*, (*не*)*выразительная*, *шутливая*, *ехидная*, *игривая*, *неофициальная* или *официальная улыбки*.

Ж. Наконец, последняя, седьмая, группа психологических прилагательных образована словами, дающими улыбке оценку при ее восприятии: *неприятная*, *безобразная*, *уродливая*, *отвратительная*, *омерзительная*, *гадкая*, *злусная*, *вымученная*, *скверная*, *мараматическая*, *раздражающая*, *ядовитая улыбки*, а также *приятная*, *изумительная*, *восхитительная*, *обворожительная*, *очаровательная*, *чарующая*, *обаятельная*, *ангельская*, *привлекательная*, *пленительная*, *божественная*, *неотразимая улыбки* и др. Конечно, компонент оценки присутствует и у многих непсихологических прилагательных, о чем уже говорилось выше, но у слов данной группы оценочная функция является основной. Эти слова, как правило, прямо не связаны с отдельными семантическими классами улыбок, то есть не являются видообразующими, хотя в норме, например, **восхитительная улыбка** едва ли может быть **фальшивой** или **натянутой**; скорее всего, это **улыбка открытая**, **приветливая**.

Иногда, как все мы знаем, однозначно установить сферу действия прилагательного не удастся. Так, у сочетания *злая улыбка* наблюдается контаминация двух смыслов: с одной стороны, *злая улыбка* может выражать злобное отношение к адресату, а с другой стороны, быть вызвана какими-то аспектами ситуации. Аналогичное утверждение можно высказать и относительно сочетаний *ироничная улыбка*, *снисходительная улыбка* или *равнодушная улыбка*; ср. (25) *И Чорба облегченно вздохнул и понял, что искус окончен. Он перебрался на кушетку и, сжимая руками волосатую голень, с равнодушной улыбкой смотрел на женщину* (Набоков. Возвращение Чорба).

б. Еще один класс составляют прилагательные, являющиеся метафорическими описаниями улыбок. Культурная маркированность лица как части тела широко отражается в устойчивых полусвободных сочетаниях, и применительно к улыбке используется целый ряд метафор. Во-первых, это **метафора света**: *светлая улыбка*, ср. (26) *Молодая женщина тащила с речки корзину белья. Она шла и улыбалась такой светлой улыбкой, что Чонкин поневоле тоже заулыбался* (Войнович. Жизнь и не-

обычайные приключения солдата Ивана Чонкина), *ослепительная улыбка, сияющая улыбка, яркая улыбка, солнечная улыбка, лучезарная улыбка* (примерно соответствует русскому выражению *рот до ушей*), *хмурая улыбка, мрачная улыбка, тень улыбки*. Когда у человека лицо *расплылось в улыбке*, то есть когда он "переполнен приятными эмоциями", когда его лицо *сияет от радости* или *освещается радостью*, когда улыбка *озарила его лицо*, то мы понимаем, что он улыбается настоящей улыбкой. Напротив, отсутствие света, то есть когда человек нахмурился, когда его лицо омрачилось, потемнело или тень пробежала по лицу и т.п., говорит о том, что улыбки на лице нет. Во-вторых, это **метафора движения улыбки** – скольжения, хода, бега, плавания: *ускользающая, скользящая по лицу улыбка, убегающая улыбка*, см. также *расплыться в улыбке, улыбка пробежала по ее лицу, улыбка сошла с его губ, застывшая улыбка*. Далее назовем **метафоры вкуса** – *сладкая, слащавая, приторная, сладенькая, кислая и горькая улыбки*, ср. (27) (Джюльетта) *Ну, няня... Чем ты так огорчена? Дурных вестей не множь угрюмым видом. Но если сообщенья хороши, Их портит кислая твоя улыбка* (Шекспир. Ромео и Джульетта, перев. Б. Пастернака), **метафоры мягкости** – *мягкая улыбка, жесткая улыбка*, ср. (28) "Фрейлейн Петерс, – с **мягкой улыбкой** обратился к ней Кречмар, – я хочу вам представить создателя знаменитого зверька", **температуры** – *ледяная улыбка, холодная улыбка, теплая улыбка, застывшая улыбка, тяжести* – *легкая улыбка, тяжелая улыбка*, ср. (29) *Прежде он упоминал о начальстве не иначе как с серьезным видом, потом – с легкой улыбкой, которую можно было понимать разное, а еще позднее заговорил почти откровенно* (Алданов. Начало конца).

Сделаем один важный вывод. Все описанные метафоры говорят о том, что в норме русское "позитивное" лицо должно быть теплым, подвижным и экспрессивным; ср. сочетания *теплое лицо, живое лицо, оживленное лицо, выразительное лицо*. Если же лицо человека не выражает эмоций, то оно метафорически обозначается в русском языке с помощью выражений образа застывшей жидкости или твердого статуарного предмета, ср. *застывшее, неподвижное, деревянное, каменное лицо*. На таком лице улыбки также быть не может, и оно обычно оценивается как плохое (похожие замечания про метафоры тепла и жесткости и про их применение в других языках можно найти в книге [Вежицкая, 1999: 226–227]).

* * *

Выше мы перечислили наиболее употребительные типы языковых номинаций русских улыбок, связанные с семантическими свойствами прилагательных. Всего нами было собрано порядка 160 прилагательных, и среди них: *белозубая* (улыбка) (форма, зубы), *дрожащая* (форма, губы), *натянутая* (форма, восприятие), *слабая* (физический признак, интенсивность), *мимолетная* (абсолютное время), *запоздалая* (относительное время), *детская* (социальный признак, возраст), *клоунская* (социальный признак, профессия), *дружеская* (социальный признак, отношение к коммуникативному партнеру), *приветственная* (социальный признак, тип ситуации общения), *болезненная* (физическое состояние), *грустная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние жестикулирующего), *выжидательная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние жестикулирующего или относительное время), *рассеянная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние или свойство жестикулирующего), *доброжелательная* (психологический признак, отношение жестикулирующего к адресату), *деловая* (психологический признак, отношение жестикулирующего к ситуации), *гадкая* (психологический признак, оценка при восприятии), *вежливая* (социальный признак, социальные отношения между говорящими), *официальная* (стилистические особенности ситуации общения), *ненатуральная* (несоответствие улыбки

реальному психологическому состоянию субъекта), *мрачная* (метафора света), *ускользающая* (метафора движения), *кислая* (метафора вкуса), *легкая* (метафора тяжести), *холодная* (метафора температуры).

Эти примеры, как нам кажется, дают наглядное представление о семантическом богатстве и самих русских улыбок и их имен.

§4. РУССКИЕ УЛЫБКИ: ФРАГМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Теперь мы можем представить фрагмент семантической типологии русских улыбок.

Основные семантические типы русских улыбок – это **улыбки-чувства**, которые распадаются на два класса: позитивные и нейтральные/отрицательные, **улыбки-состояния/свойства**, которые, как у улыбки-чувства, имеют свои морфологические и структурные признаки и отображают два вида состояний/свойств: физические и психические, и **улыбки-отношения**, также имеющие свои формальные показатели и разбивающиеся на четыре класса: эмоциональные, общекommunikативные, этикетные и социальные. Улыбки каждого из выделенных классов могут оцениваться с помощью стандартных языковых средств, часть из которых указана в конце приводимой ниже таблицы.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКИХ УЛЫБОК:

1. Улыбки-чувства

а) позитивные

высокая интенсивность

Пример: тип открытая улыбка

физические свидетельства и/или степень проявления чувства

– *белозубая, открытая, широкая*

отображения чувств

– *блаженная, веселая, радостная, счастливая*

метафоры

– *белоснежная, светлая, сияющая*

нормальная интенсивность

Пример: тип нормальная улыбка

довольная, естественная, обыкновенная, обычная

метафоры

– *легкая, теплая*

б) нейтральные/негативные

Пример: тип кривая улыбка

физические свидетельства

– *кривая, 'улыбка уголками губ',*

отображения чувств

– *несчастливая, печальная, робкая*

метафоры

– *горькая, жесткая, кислая*

2. Улыбки-состояния/свойства

физические свидетельства и/или степень проявления чувства

– *тонкая, 'улыбка с втянутой губой'*

отображения физических состояний/свойств

– *больная, изможденная, измученная, нездоровая, усталая*

отображения психических состояний/свойств

– *беззаботная, наглая, нервная, равнодушная, спокойная*

метафоры

– *легкая, слабая*

3. Улыбки-отношения

эмоциональные

– *злорадная, коварная, приветливая*, метафоры: *ледяная, теплая*

(обще)коммуникативные

– *искусственная, неискренняя, притворная, фальшивая*

этикетные

– *вежливая, официальная, приветственная, прощальная, фамильярная*

социальные

возраст

– *детская, младенческая, старческая*

профессия

– *голливудская, клоунская, профессиональная*

ранг (статус)

– *барская, начальственная, холуйская*

степень родства/знакомства

– *дружеская, материнская, отеческая*

ОЦЕНКИ (ПРОЯВЛЕНИЯ) ЧУВСТВ/СВОЙСТВ/СОСТОЯНИЙ

Положительная оценка	Отрицательная оценка
хорошая	неприятная
обаятельная	глупая
обворожительная	отвратительная
обезоруживающая	ужасная
приятная	омерзительная
умная	жалкая
мудрая	скверная
<u>Метафоры</u>	<u>Метафоры</u>
мягкая	приторная
солнечная	слащавая

§5. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛЫБОК ПО ИХ ЯЗЫКОВОМУ ОПИСАНИЮ (К ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ)

При любом способе построения типологии улыбок встает правомерный вопрос: как соотносятся языковые обозначения улыбок, характеризующие жестикулирующего, с реальными русскими улыбками? Иными словами, речь идет о задаче восстановления жеста по его языковому описанию. На практике с такой задачей всегда сталкивается, например, режиссер при постановке пьесы или фильма. В особенности трудной и вместе с тем чрезвычайно актуальной является данная задача в случае, если произведение, выбранное для сценической или экранной реализации, является иностранным.

Поясним, что именно мы имеем в виду под реконструкцией улыбки. Допустим, что мы встретились со следующим текстом:

(30) *Левий улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо обезобразилось совершенно* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Сам по себе факт кардинального преобразования лица, о котором идет речь в этом предложении, – независимо от языковой характеристики улыбки как *недоброй*, – свидетельствует о том, что вызвавший трансформацию лица жест не является стереотипным, то есть естественным, обыкновенным. По сравнению с обычной улыбкой меняются и семантический тип и физическая реализация жеста. Что же имеется в виду под языковым сочетанием *недобрая улыбка*? Очевидно, что это название улыбки, которая кодирует определенный смысл – отношение к адресату – и характеризуется определенными формой рта – почти закрытый рот – и положением губ – вытянутые губы, не направленные вверх. Кроме того, *недобрая улыбка* всегда сопровождается определенным, злым, выражением глаз и фиксированной формой бровей, лицо и,

возможно, поза жестикулирующего напряжены. Иными словами, за языковым выражением *недобрая улыбка* скрывается не один жест улыбки, а целый **жестовый комплекс**.

Такого рода ситуация по нашим наблюдениям имеет место во всех случаях с психологическими и социальными прилагательными, на что указывают сразу несколько факторов: 1) языковой контекст номинации жеста; 2) улыбки, наблюдаемые в конкретных ситуациях общения, и 3) комментарий лиц, наблюдающих ту или иную улыбку (такой комментарий можно увидеть в сценариях к фильмам, в рекомендациях режиссеров или в ремарках, содержащихся в текстах сценических произведений).

Приведем еще несколько примеров того, как может идти реконструкция жеста улыбки.

А. Начнем с того, что рассмотрим, как под действием отдельных элементов языкового контекста восстанавливается определенный вид улыбки. Возьмем следующий текст:

(31) – *Павел Константинович! – проговорил он умоляющим голосом. – Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!... И все это Иван Иванович проговорил с жалкой, просящей улыбкой.*

В авторской ремарке, вводящей слова обращения, указан тип голоса, которым оно произносится. Умоляющий голос как параязыковой элемент жестко привязан к определенным русским жестам, например, таким, как **прикладывание рук к груди или наклон корпуса в сторону адресата**. Физическая дистанция между говорящим и адресатом при этом уменьшена по сравнению с нормой (русская культура является неконтактной или мало контактной). Сюда же можно отнести и конкретную улыбку, а именно ту, о которой говорится в тексте. Таким образом, здесь наблюдается тройное семантическое согласование: жеста, голоса и языковых обозначений того и другого.

Некоторые виды улыбок уже прочно вошли в центр русской невербальной этикетной системы. Они допускают сравнительно небольшую вариативность как в названии, так и в форме исполнения. Они высокочастотны, хотя и являются ситуативными, то есть привязанными к строго фиксированным ситуациям и невербальным актам. Так, приветствия и знакомства, поздравления и пожелания – все эти коммуникативные семиотические, а отнюдь не только речевые, акты канонически совершаются с **приветливыми улыбками**. **Приветливая улыбка** в таких ситуациях появляется почти всегда, то есть невербальное общение в указанных семиотических актах в сильной степени лексикализировано. Так, например, за **приветливой улыбкой в ситуации приветствия (приветственная улыбка)** скрываются важные, культурно и социально нагруженные, интерактивные, фактические и эмоциональные смыслы. Среди них ‘предложение установить коммуникативный контакт’, ‘добродушие’, то есть ‘теплое, доброжелательное отношение к адресату’ (= ‘я хочу, чтобы ты знал, что я сейчас чувствую к тебе нечто хорошее’), ‘надежда получить в ответ аналогичную улыбку’, то есть ‘оптимистичное ожидание от адресата ответной приветливой улыбки’, и, тем самым, ‘неприятие какой-либо негативной, жестовой или словесной, реакции с его стороны’, ‘радушие’ (= ‘доброе отношение, выражаемое при встрече, какое обычно бывает при радостной и сердечной встрече гостя хозяином’) и др. Отсюда легко устанавливается близость **приветливой и приветственной улыбок** к другому виду улыбок – **широкой (открытой, доброжелательной и пр.)**. Иными словами, эти улыбки объединяются в один жестовый синонимический ряд.

По своей форме **приветливая улыбка** – это улыбка с открытым ртом, поза человека при этом свободная, корпус устремлен к адресату, глаза радостно смотрят на него. Такая улыбка часто сопровождается словами, передающими радость от встречи с адресатом или радость за него, а также жестами типа ‘раздвинуть руки в знак приветствия’, ‘помахать приветственно рукой’ и т.п.

Б. Обратимся теперь к комментариям в пьесах. Мы обсудим лишь один пример.

В пьесе Ж.-П. Сартра "Дьявол и Господь Бог" происходит диалог, в котором банкир предлагает архиепископу сделать то, что тот и сам бы хотел сделать, но не может, а потому в ответ, как сказано в ремарке, "*печально улыбается и пожимает плечами*". Читатель понимает, что улыбка архиепископа меньше всего похожа на прототипическую, обычную, на что указывает наречие *печально*. Русские жесты печали – это **нахмуренный лоб, напряженный рот, немигающие, или, напротив, закрытые глаза, сжатые губы, скованная поза**, и они никак не сочетаются с **открытой, широкой улыбкой**. **Печальная улыбка** должна соответствовать всем этим элементам: она образуется из комбинации почти прикрытого рта, губы при этом чуть скривлены, а их уголки направлены вниз, глаза улыбающегося могут не смотреть на адресата.

* * *

Для правильной интерпретации улыбки часто необходимо исследовать не только вербальный, но и **невербальный** контекст ее номинации.

В. Рассмотрим пример (32): – *Телохрани́тель?* – *удивленно переспросила Розочка.* – *Зачем он нам? – Да и дорого, наверное?* – *подхватила Зинаида Александровна.* – *Не беспокойтесь, все оговорено в вашем контракте!* – *с вежливой улыбкой поклонился им Эммануэль.*

Здесь мы видим совместное исполнение двух жестов – мимического (**улыбки**) и знакового телодвижения (**поклона**), причем имеется в виду не очень низкий поклон, то есть выражение именно вежливости, а не, скажем, раболепия или подобострастия. **Поклон** для большинства культур, включая русскую, является жестом почтительной вежливости, и в нормальной ситуации улыбка должна соответствовать исполняемому телодвижению, согласованному с контекстом. Таким образом, если бы даже в разбираемом тексте не было прилагательного, характеризующего улыбку, можно было бы сравнительно легко реконструировать семантический тип и форму улыбки. Вообще, улыбка всегда должна сочетаться с выражением глаз, всего лица, позой, жестами рук, иначе она выглядит неестественной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе был построен фрагмент семантической типологии определенного вида жестов – русских улыбок. Кроме того, показано, как на основе конкретно-языковых описаний улыбок можно проводить реконструкцию стоящих за ними реальных жестов. Нам кажется, что подход от лингвистики позволит успешно прийти к конечной цели нашего исследования этого вида жестов – составлению словаря русских улыбок и выявить некоторые тонкие различия между его отдельными единицами.

В будущем намечается: 1) описание функций и ролей русских улыбок в акте коммуникации; 2) составление словаря русских улыбок, где будут предложены развернутые толкования основных русских улыбок, описаны их основные круги употребления и указаны смысловые соотношения между этими жестами и их номинациями; 3) изучение метафор, используемых при описании улыбок и 4) построение полной семантической типологии русских улыбок. Кроме того, в качестве одной из более отдаленных, перспективных, задач можно назвать 5) аналитическое исследование явления смеха как жеста, наиболее близкого к улыбке, – выделение видов смеха, описание условий их функционирования, исследование способов и механизмов вербальной и невербальной концептуализации смеха в русском языке и русском языке тела и б) компаративный анализ типов улыбок и смеха в различных языках и культурах, выявление лингвистических культурных сходств и различий в самих этих невербальных единицах, а также в их наименованиях и физических реализациях.

- Апресян Ю Д* 1986 – Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ 1986 № 2
- Григорьева С А , Григорьев Н В , Крейдлин Г Е* 1996 – Словарная статья в новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз // Московский лингвистический журнал 1996 № 2
- Григорьева С А , Григорьев Н В , Крейдлин Г Е* 2001 – Словарь языка русских жестов М , 2001
- Крейдлин Г Е* 1999 – Голос и тон в культуре и языке // Язык о языке / Под ред Арутюновой Н Д М , 1999
- Крейдлин Г Е* (в печати) – Невербальная семиотика М , 2001 (в печати)
- Крейдлин Г Е , Григорьева С А , Григорьев Н В* 1996 – О новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз // Гуманитарная наука России Соросовские лауреаты (лингвистика) Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук М , 1996
- Лихтенберг Г К* 1965 – Афоризмы М , 1965
- НОСС 2000 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Второй выпуск / Под общим рук Ю Д Апресяна М , 2000
- Реформатский А А* 1963 – О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии М , 1963
- Уэйнрайт Г* 1999 – Язык тела М , 1999
- Bell Ch* 1844 – Visible speech the science of universal alphabets London, 1844
- Blurton-Jones N G* 1972 – Categories of child-child interaction // Blurton-Jones N G (Ed) Ethological study of child behavior Cambridge, 1972
- Bannigan Ch Humphries D* 1972 – Human non-verbal behavior a means of communication // Blurton-Jones N G (Ed) Ethological studies of child behavior Cambridge, 1972
- Darwin Ch* 1872 – The expression of the emotions in man animals New York, 1872 [3rd edition – 1965]
- Duchenne G B* 1990 – The mechanism of human facial expression or an electro-psychological analysis of the expression of the emotions Cambridge, 1990
- Efron D* 1941 – Gesture and environment New York, 1941 [в 1972 году книга вышла под названием Gesture, Race and Culture]
- Ekman P* 1992 – Facial expressions of emotion new findings, new questions // Psychological science 1992 № 3
- Ekman P , Davidson R , Friesen W V* 1990 – Duchenne's smile emotional expression and brain physiology II // Journal of personality and social psychology 1990 V 58
- Ekman P , Friesen W V* 1982 – Felt, false, and miserable smiles // Journal of nonverbal behavior 1982 № 6
- Fernando Dols J M , Russ Belda M A* 1995 – Are smiles a sign of happiness? Gold-medal winners at the Olympic games // Journal of personality and social psychology 1995 V 69 № 6
- Fridlund A.J* 1994 – Human facial expression San Diego, 1994
- Hooff I A R van* 1976 – The comparison of facial expression in man and higher primates // Cranach N (Ed) Methods of inference from animal to human behavior Chicago 1976
- Iordanskaja L , Paperino S* 1996 – A Russian-English collocational dictionary of the human body Columbus (Ohio), 1996
- Kendon A* 2000 – Studying gesture in Naples and elsewhere // Gestures meaning and use Porto, 2000
- Kim Ki hong* 1978 – Misunderstanding in nonverbal communication America and Korea // Papers in linguistics 1978 № 1–2
- Klineberg O* 1935 – Emotional expression // Race differences New York, 1935
- Kraut R E , Johnston R E* 1979 – Social and emotional messages of smiling an ethological approach // Journal of personality and social psychology 1979 37 № 6
- Maury-Rouan C* 2000 – Audible facial expressions and the case of the smile in blind born children // Gestures meaning and use Porto, 2000

- Posner R , Kruger R , Noll T , Serenari M* 1998 – The Berlin dictionary of everyday gestures // The semantics and pragmatics of everyday gestures Abstracts Berlin, 1998
- Preuschhof S , Hooff J A R van* 1997 – The social function of 'smile and 'laughter variation across primate species and societies // Segestråle U , Molnar P (Eds) Nonverbal communication Where nature meets culture Mahwah (New Jersey), 1997
- Seafoord H W Jr* 1978 – Maximizing replicability // *Semiotica* V 24 № 1–2
- Wierzbicka A* 1985 – Lexicography and conceptual analysis Ann Arbor, 1985
- Wierzbicka A* 1995 – Kisses, handshakes, bows The semantics of nonverbal communication // *Semiotica* V 103 № 3–4 1995
- Wierzbicka A* 1999 – Emotions across languages and cultures diversity and universals Cambridge, 1999